
DOI 10.15826/QR.2015.4.138

УДК 930.2+930.1

Владимир Аракчеев

Дмитрий Редин

Юлия Русина

НЕ ОБЪЯСНИТЬ, А ПОНЯТЬ¹

Рец. на: Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский,
Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева;
Нац. исслед. у-нт «Высш. школа экономики». – М. :
Изд. дом Высш. школы экономики, 2015. – 685, [3] с.

Vladimir Arakcheev

Dmitry Redin

Yuliya Rusina

TO UNDERSTAND RATHER THAN EXPLAIN

Rev. of: Istchnikovedenie : uchebnoe posobie / I. N. Danilevskiy,
D. A. Dobrovolskiy, R. B. Kazakov i dr.; otv. red. M. F. Rumyantseva;
Nac. issled. u-nt “Vysshaya shkola ekonomiki”. – Moscow :
Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015. – 685, [3] s.

The authors are analyzing a study book ‘Source Studies: a Tutorial’, written by a group of authors from the Higher School of Economics (Moscow) and edited by M. F. Rumyantseva. While the reviewers are polemicizing with the authors of the book in the issues of understanding the historical source, and are criticizing particular inconsistencies in descriptions of the massive of sources for studying Russian history, they nevertheless estimate the book highly. Indeed, the reviewed book is representing a milestone both in the writing of study books in history and in the research field of source studies. The reviewers are emphasizing the innovative character, structural unity, impressive theoretical level and practical importance of the book written by Moscow historians, who are understanding the historical sources in a phenomenological way, in accordance with the ideas of the school of Moscow State Institute for History and Archives, namely, of O. M. Medushevskaya and her followers.

Keywords: source studies; historical source; classification; corpus of sources; comparative source studies; historiography of source studies; cognitive history.

¹ Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006. Supported by Act 211 Government of the Russian Federation, agreement № 02.А03.21.0006

Авторы анализируют учебное пособие, подготовленное коллективом авторов НИУ Высшая школа экономики «Источниковедение: учебное пособие» под редакцией М. Ф. Румянцевой. Полемизируя с авторами по некоторым вопросам, связанным с различными подходами к пониманию исторического источника, и подвергая критике отдельные неточности в характеристике корпуса источников российской истории, рецензенты дают высокую оценку учебного пособия, определяя его как событие и определенный этап в процессе развития как учебной литературы в области исторических наук, так и самой науки источниковедения. В рецензии подчеркиваются новаторский характер, структурная целостность, высокий теоретический уровень и практическая значимость труда московских историков, трактующих источниковедение с феноменологических позиций, в русле научно-педагогической школы Московского государственного историко-архивного института, связанной с деятельностью О. М. Медушевой и ее последователей.

Ключевые слова: источниковедение; исторический источник; классификация; корпус источников; компаративное источниковедение; источниковедение историографии; когнитивная история.

Учебники писать трудно. Даже если, сознательно отказавшись от слова «учебник», заменить его словосочетанием «учебное пособие» применительно к масштабной по замыслу, исполнению и объему книге. Писать учебники – занятие неблагодарное; это известно каждому, кто брал на себя смелость или дерзость обращаться к этому жанру. Сложность написания учебного текста обусловлена прежде всего тем, что он призван сформировать у обучающихся системное представление о предмете. Современный переход от «эрудитской» модели образования к исследовательской не меняет главной целевой аудитории учебной литературы – студентов. Поэтому, хотя тенденция последних десятилетий вполне отчетливо сводится к размыванию грани между учебными и монографическими публикациями, авторам первых приходится учитывать «первородные» черты учебного сочинения и заботиться о минимально-достаточном наборе информации, специфике структуры и форм подачи материала, его выверенности и прочих унылых вещах, которые вслед за Люсьеном Февром можно наименовать «системой “трюков”» [Февр, с. 70]. Особенно трудно написать современный учебник, который бы учил, не назидая, и побуждал к мысли, а не вызывал у пользователей аллергических реакций «на пыль и нафталин».

Столь же трудно писать рецензии, а на учебные тексты – еще труднее. А на хорошие и современные учебные тексты – совсем тяжело. Рецензируя монографию коллеги, рецензент все-таки вступает с ним в заочный диалог на равных. Гуманитарное научное знание слишком вариативно и многогранно; оценки дискутирующих зависят от внутрицеховых конвенций, мировоззренческих предпочтений и исследовательских практик. Критика в этом случае предстает как сравнение (и сверка) собственных взглядов и взглядов оппонента, как рефлекс-

сия и саморефлексия, как тот самый спор, в ходе которого рождается если не сама истина, то приближение к ней. Рецензия на учебник заранее ставит рецензента в иную позицию. Создается иллюзия, что рецензент априори знает, «как надо»: «Вы вот так написали, а надо бы эдак!» Видимо, проблема в наличии своего рода жанрового канона учебника.

Перед нами – хорошее учебное пособие, скажем об этом без всяких оговорок. Нельзя не заметить, что авторский коллектив рецензируемого труда продолжает традиции источниковедческой школы, развитые еще в стенах Московского государственного историко-архивного института. Отмеченная связь проявлена в первую очередь в определении ряда ключевых позиций. И во взгляде на исторический источник как «на произведение человека и на феномен культуры», как «на продукт творчества человека и социума в широком смысле». И в определении места источниковедения в системе гуманитарного знания как интегрирующего начала гуманитаристики, как универсального метода «обращения к произведениям человека для любых гуманитарных и социальных наук». И в особом статусе источниковедения как маркера исторической науки и связующего звена внутри исторических дисциплин. Эти принципы (наряду с другими, о которых речь пойдет ниже) рефреном проходят через всю книгу и были декларированы авторами в предыдущем пособии, вышедшем в конце прошлого столетия в издательстве РГГУ, частью которого стал Московский историко-архивный институт [Источниковедение].

Фундаментальным представляется аргументированное положение авторов о важности источниковедческих знаний в общекультурном и профессиональном аспектах. В обоих случаях акцент делается на *понимании* – понимании человека другой культуры в первом и понимании природы нового знания, полученного из источников, во втором (с. 10–11)². В связи с этим заслуживает всяческой поддержки заявленный в учебном пособии принцип деления современного источниковедения на три составляющих, характеризующих его природу. Источниковедение выступает как системообразующая научная дисциплина, как метод получения нового знания о человеке и обществе и как инструмент исторического исследования. Такое восприятие источниковедения сформировало структуру пособия и обусловило, наряду с прочим, его принципиальную новизну. Новизна и востребованность учебника определены и целым рядом других качеств.

Во-первых, это четкость и обоснованность логики его композиции, что непосредственно проистекает из вышеупомянутого понимания тройственной природы источниковедения. Во-вторых, развернутая концепция закономерностей развития источниковедения в связи со сменой моделей науки (классической, неклассической, постнеклассической и неоклассической). В-третьих, понимание объекта источ-

² Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

никоведения как *системы* видов исторических источников, изучение которых «конституировано как самостоятельный метод исследования различных социокультурных общностей» (с. 13). В-четвертых, продуктивное формулирование источниковедческого критерия периодизации исторического процесса, выводящего в новую плоскость давние дебаты о границах переходных эпох (с. 483–485). В-пятых, существенным преимуществом рецензируемого пособия по сравнению с уже бытующими в преподавательской практике учебниками является выделение в качестве самостоятельной проблемы применения метода источниковедения к изучению истории исторического знания (историографическим источникам). Широкий системный взгляд на этот вопрос, представленный в учебнике, начиная с изучения его предметного поля и завершая детальным анализом структуры источниковедческого исследования историографических источников различной типологической принадлежности, несомненно, носит инновационный характер. И, наконец, в-шестых – актуализация крайне важного в теоретико-познавательном плане вопроса замены откровенно устаревшего термина «внутренняя и внешняя критика» исторических источников понятиями «источниковедческий анализ и синтез» и «источниковедческое исследование», в связи с чем авторы вновь обращаются к фундаментальному принципу своего представления об источниковедении (определяющим смыслом которого является понимание человека другой культуры), сосредоточивая внимание на процедуре интерпретации.

Позволим, солидаризируясь с авторами, подробнее остановиться на этом сюжете. В работах советских историков 1960–1980-х гг., посвященных общетеоретическим проблемам исследования исторических источников и методике их анализа, доминировала точка зрения о двух взаимосвязанных стадиях работы с ними [см., например: Пронштейн]. Наряду с признанием того, что «последовательность аналитических операций» была воспринята марксистским источниковедением из «буржуазной науки», подчеркивалось отсутствие резкой грани между этапами внутренней и внешней критики и условность данного деления. Отмечалось, что все вопросы внешней критики источника не могут быть выяснены без изучения текста свидетельства. И. Д. Ковальченко, реже заслуженного упоминаемый в рецензируемом тексте, во втором издании своего учебника подчеркивал необоснованность выделения в источниковедческом анализе внешней и внутренней стороны, которое, на его взгляд, нарушает целостную структуру исторического источника [Ковальченко, с. 4–23]. Понятия «источниковедческий анализ», «научная критика», «источниковедческая критика» ученый использовал как синонимы. К концу XX в. вопрос о логической последовательности и наименовании приемов источниковедческого исследования оставался дискуссионным среди российских историков. Предлагалось, например, выделить три сменяющих друг друга этапа: эвристический, текстологический и гер-

меневтический [Георгиева, Георгиев]. В контексте истолкования исторического источника как явления культуры О. М. Медушевской была предложена структура источниковедческого исследования, основанная на феноменологическом подходе, закрепленная позднее в упомянутом выше учебнике, подготовленном учеными-преподавателями МГИАИ и доведенная до логического завершения в рецензируемом издании [Источниковедение].

Все в совокупности видится этапным моментом и характеристикой нового уровня в развитии учебной литературы в области не только источниковедения, но и исторического знания в целом. Теперь изменим масштаб обзора, пройдясь по отдельным разделам, частям и главам книги.

Первый раздел («Источниковедение как дисциплина исторической науки») структурирован в соответствии с заявленной авторами приверженностью представлениям о парадигмальном характере научного знания. В соответствии с этим смена источниковедческих парадигм увязана со сменой моделей науки, а изложение материала построено по принципу анализа вклада российских и зарубежных ученых в становление и институализацию источниковедения в хронологической последовательности (часть 1 – «История источниковедения»).

Начальный этап возникновения источниковедения и его развитие в рамках позитивистской парадигмы классической модели науки представлены всеми наиболее значимыми направлениями различных национальных традиций. Здесь показан важный вклад немецкой научной школы как в области развития методологии работы с источниками, так и в части прикладного источниковедения, отмечена российская скептическая школа. Последовательно проанализированы идеи И. Г. Дройзена и Э. Бернгейма, связанные с решением задач деления исторических источников и их критикой; исследовательский опыт Э. Фримана; этапные для утверждения позитивистской парадигмы труды Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Выделен вклад российских ученых-историков, чьи работы способствовали развитию российского источниковедения, – К. Н. Бестужева-Рюмина и Н. И. Кареева (с. 20–41).

Очерк о дисциплинарной эволюции источниковедения в неклассической модели науки сосредоточивает внимание читателя на «русской версии неокантианства» с ее «системообразующим принципом признания чужой одушевленности» (А. И. Вернадский, Б. В. Яковенко, И. И. Лапшин, В. М. Хвостов, А. С. Лаппо-Данилевский). Следует обратить внимание, что в учебном дискурсе понятие «принцип признания чужой одушевленности» встречает наибольшие трудности в освоении методологии источниковедения. В этой связи опора на широкое цитирование произведений ученых с последующим акцентом на разъяснении смыслов представляется наиболее оптимальным подходом в достижении целей обучения.

Существенное место в разделе занимает анализ концепции А. С. Лаппо-Данилевского, которая, собственно, и составила основу методологии отечественного источниковедения, базирующегося на феноменологическом понимании объекта исторического познания (исторического источника). Отправной точкой и ключевым звеном концепции является сформулированное выдающимся русским ученым определение понятия «исторический источник» как «реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением», а также созданная им теория интерпретации исторических источников (с. 42–76).

Что касается завершающего историческую часть раздела анализа развития источниковедения в XX в., то основное место авторы отвели западной исторической мысли в лице школы «Анналов» и критике проявлений позитивизма в исторической науке. Эта глава менее структурирована, чем другие, и на фоне предшествующего текста носит явно общий характер. Параграф, посвященный источниковедению в СССР, трудно оценить даже эпитетом «скромный». Он занимает лишь три с небольшим страницы (с. 86–89), основное содержание которых представляет обширная ссылка с перечнем публикаций, посвященных изучению российских исторических источников различных периодов. Конечно, в 1930-е гг. произошла серьезная деформация в развитии теоретических проблем отечественного источниковедения: утвердилось положение о необязательности документального обоснования выводов историка, постепенно был утрачен академический профессионализм, абсолютизировался партийный и классовый подход, исключались элементарные аналитические приемы в отношении советских документов и т. п. Но не стоит отрицать, что отечественное источниковедение прошло определенные этапы в своем развитии. В 1920–1980-е гг. была оформлена и получила развитие материалистическая концепция науки об источниках, сформировался ее предмет как самостоятельной отрасли научных исторических знаний. Учебные пособия М. Н. Тихомирова, С. А. Никитина, особенности учебных курсов, которые читались в МГИАИ, научная деятельность А. И. Андреева, заочная полемика Л. В. Черепнина с А. С. Лаппо-Данилевским, оживление интереса к теоретическим вопросам науки с конца 1950-х гг., дискуссии о проблеме классификации исторических источников, о статусе источниковедения как научной дисциплины 1960–1970-х гг., презентация информационного подхода И. Д. Ковальченко, публикации русских письменных источников, вклад в развитие методологии источниковедения С. О. Шмидта, С. М. Каштанова, И. Д. Ковальченко, Л. Н. Пушкарева, Б. Г. Литвака и др. – все перечисленные и еще многие другие имена и факты недопустимо исключать из того объема знаний, который следует усвоить современным студентам, получающим историческое образование. При этом недостаточен простой перечень научных публикаций. Необходим профессиональный комментарий, который поможет

высветить нюансы в оценках, трактовках и дискуссиях. Например, аналитического рассмотрения достоин источниковедческий контекст вопросов о том, какие постулаты концепции А. С. Лаппо-Данилевского принимались советскими историками, а что было отвергнуто и по каким причинам; исследовательские подходы, не изменившиеся по сути, но выступавшие под материалистической вывеской; позитивистская подоплека марксистских деклараций в области методологии источниковедения и т. д.

В теоретической части первого раздела («Теория источниковедения») рассмотрены два подхода к определению понятия «исторический источник». Авторы упоминают, что эта дихотомия выделена из богатого разнообразия определений, и видят в ней мировоззренческие основы. Первое из перечисленных определений связано с именем С. О. Шмидта и вошло в научную и учебную литературу в статусе «широкой трактовки», характеризующей исторический источник как «все, откуда можно почерпнуть информацию о прошлом». Однако в основу концепции рассматриваемого пособия положено другое определение, восходящее к идеям А. С. Лаппо-Данилевского: «исторический источник – объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих». Авторский коллектив подчеркивает «мировоззренческие, философские, этические различия и методологические следствия выбора одного из этих определений». С точки зрения авторов, на философско-мировоззренческом уровне граница между этими двумя типами определений «проходит по демаркационной линии между классической и неклассической философией». Основной вывод сторонников второго определения заключается в том, что разница между подходами прежде всего отражает «разное понимание природы исторического источника», что, в свою очередь, приводит к «различиям целеполагания в исследовательской работе и к различию способов исторического познания». Те, кто определяют источник как «всё», главной задачей историка считают «установление достоверных фактов путем так называемой критики исторического источника». «Базовой исследовательской стратегией, обусловленной пониманием исторического источника как произведения человека / продукта культуры, становится интерпретация исторического источника, цель которой – научно значимое понимание его автора как Другого, как человека иной культуры» (с. 92–95).

Рассмотрев позицию авторского коллектива, хотелось бы высказать предположение, что раскол между этими двумя подходами к определению исторического источника несколько драматизирован. Сторонники первого и второго типов определений вышли из одной школы – школы МГИАИ, и аргументы приверженцев широкой дефиниции неоднократно звучали в открытых дискуссиях на научных форумах и семинарах. С. О. Шмидт многожды подчеркивал отсутствие

противоречий между этими двумя взглядами на исторический источник именно благодаря тому, что им никогда не оспаривалось понимание источника как произведения человека³. Обращая внимание на «всё, что источает информацию», он подчеркивал, что понимание автора источника невозможно без учета всего, что влияло на деятельность последнего. Аргумент представителей широкой трактовки о положительном значении расширения источниковой базы также не кажется окончательно побежденным.

Но, говоря о рецензируемом пособии в целом, необходимо подчеркнуть, что наблюдаемая ситуация научной дискуссии вполне объективна. В свою очередь, авторский коллектив доказательно отстаивает с философских и познавательных позиций свою концепцию, опровергая ошибочность, с их точки зрения, иных подходов.

В связи с этим более важным в контексте анализа определений понятия «исторический источник» представляется другое. Если вспомнить задачи подобных изданий, то они заключаются в том, чтобы обучающийся получил представление обо всех, по возможности, актуальных взглядах на дискуссионную проблему. Поэтому большим упущением видится игнорирование информационного подхода к анализу природы исторического источника, разработанного И. Д. Ковальченко. Именно трактовка исторического источника с позиций теории информации определена концептуальной основой учебных пособий по источниковедению, вышедших из-под пера «наследников» этого направления [Голиков; Круглова и др. издания]. Эти книги неоднократно переиздавались и активно задействованы в учебном процессе, существуют признанные научные сообщества, базирующиеся в своих исследованиях именно на информационной трактовке в определении исторического источника. И. Д. Ковальченко предлагал обратиться к учению об информации, имея в виду, что все исторические источники являются носителями социальной информации. Главная идея, на которой основывался ученый, заключалась в том, что возникновение большинства исторических источников представляет собой информационный процесс. Привлечение в методологию источниковедения положений учения об информации потребовало скорректировать представления об историческом источнике, проанализировав его природу с позиций трех аспектов информации – прагматического, семантического и синтаксического. Не останавливаясь подробно на выводах Ковальченко о природе исторического источника, стоит привести здесь определение, соответствующее, кстати, довольно широко распространенной среди современных историков третьей точке зрения. Согласно «информационному подходу», «исторический источник – это все, что создано в процессе деятельности людей, несет информацию о многообразии общественной жизни и служит

³ Вот лишь одно из высказываний С. О. Шмидта на этот счет, характеризующее исторический источник как «память о человеческой деятельности, следы, памятники материальной и духовной культуры человека во всем ее многообразии...» [Шмидт, с. 9]. Сравним это с уже цитированным выше определением источника как «объективизированного результата творческой деятельности человека / продукта культуры».

основой для научного познания». Исторические источники, по мнению сторонников данного подхода, выполняют функцию накопления, хранения и передачи социальной информации о прошедшей действительности.

Различия между вторым и третьим подходами в определении исторического источника вызваны разным пониманием природной сути объекта исторического познания. Во втором случае это представления о прошлой действительности. В третьем – сама прошлая действительность.

Построение характеристики корпуса источников российской истории в рецензируемом пособии связано с трактовкой одной из самых сложных проблем источниковедения – с классификацией. Основной классификационной единицей в учебном пособии назван вид исторических источников, выделенный на базе критерия «единства целеполагания». Этот вид, как отмечают авторы, «соответствует той социальной функции, которую выполнял созданный человеком продукт – произведение человеческого творчества в породившей его культуре» (с. 113). Поскольку установление цели создания исторического источника – задача непростая, продуктивнее, отмечено в учебнике, определять его вид по первичной социальной функции, заданной соответствующей культурой (с. 114). Завершается раздел кратким, но емким очерком принципиально важных теоретико-методологических положений О. М. Медушевской (концепция когнитивной истории и понятие «эмпирическая реальность исторического мира»), дающих понимание возможности построения верифицируемого исторического знания и определяющих потенциальную основу полидисциплинарности гуманитарных исследований (с. 117–121).

В трудную ситуацию ставит рецензентов второй раздел пособия («Источниковедение как метод исторического познания»), точнее говоря, его первая часть («Корпус источников российской истории»), невыгодно контрастирующая как со своими «соседями», так и с другими частями и главами книги (с. 125–461).

Этот самый большой (практически половина от общего объема пособия) и по определению наименее поддающийся теоретизированию фрагмент несет очень важную миссию: он призван дать студенту полное системное представление обо всей совокупности письменных источников российской истории в их внутривидовой взаимосвязи и эволюции. Каких бы взглядов и предпочтений ни придерживались авторы тех или иных учебных текстов по источниковедению, чем бы они ни жертвовали ради доходчивости изложения или по причине дефицита средств на издание etc., они никогда не могли обойтись без включения в свой труд раздела о корпусе источников⁴.

Для краткости постараемся сгруппировать наши замечания в несколько блоков и снабдить их примерами.

⁴ Известны примеры, когда весь учебник, по сути, представлял собою такого рода свод, как, например, учебное пособие М. Н. Тихомирова [Тихомиров].

В первую очередь речь пойдет о недостатках определения классификационной принадлежности некоторых видов источников и связанной с этим группировкой материала в главах и параграфах. Хронологически первыми в этом ряду идут акты XI – начала XX в. (п. 1.3 и 2.4). Давая в первый раз определение актов, авторы как будто придерживаются так называемого «узкого» определения, вынося за скобки памятники законодательства, «частно-публичные документы», делопроизводственные документы и частную переписку (с. 171). Не будем полемизировать по этому поводу: в конце концов, при всей сложности определения актов авторы вольны принимать «широкое» или «узкое» их трактование, хотя даже в этом случае публично-частные акты, по крайней мере для периода Средневековья, все-таки будут подпадать под «узкое» понимание.

Проблема в другом. Характеризуя акты до XVIII в., авторы, следуя избранной схеме, не включают в число таковых законодательство, маркируя его нейтральным термином «законодательные источники» и вынося в отдельный параграф. Выделяют публично-правовые акты, к каковым относят международные договоры и договорные внутриполитические акты удельного периода (междукняжеские, княжеско-церковные, договоры князей и Новгорода, княжеские церковные уставы, уставные и жалованные грамоты), пополняя этот ряд княжескими завещаниями – духовными, наместничьими, губными, земскими, поручными и актами земских соборов XV–XVII вв. (с. 177–181, 184–185). Отмечают наличие частно-правовых актов, перечисляя ряд их разновидностей XIII–XVII вв., и публично-частных (с XV в.) – хотя, как казалось, их по авторской приверженности «узкому» толкованию акта здесь быть не должно – а также, через запятую, «распорядительно-договорные» и «распорядительные» (с. 185).

Здесь хочется остановиться и перевести дух. Зачем изобретать всю эту смесь? Благодаря колоссальной источниковедческой работе, проведенной С. М. Каштановым, его методика исследования и классификация русских актов прочно вошли в научный оборот и учебную литературу [Stolyarova, Koroleva]. Почему бы не придерживаться этой классификации, тем более что авторам пособия она известна как никому другому? Тогда бы «распорядительно-договорные» и «распорядительные» акты не встали в один ряд с публично-частными ввиду их разного расположения в классификационной иерархии, а уставные грамоты не попали бы одновременно в параграф о «законодательных источниках» (как это случилось с Двинской и Белозерской уставными грамотами) и в параграф «Акты». Тогда бы нашлось место среди актов публично-правовым актам церковных властей, о которых, как кажется, вовсе не упомянуто. И церковные княжеские уставы, вероятно, «ушли» бы в законодательные источники – ведь они как законы «устанавливают правовые нормы», тогда как акты «лишь используют законодательные нормы и не должны нарушать их» (как пояснялось на с. 171). В ситуацию с актами не вносит ясности и параграф, ха-

рактизирующий этот вид источников XVIII–XIX вв. Он вообще начинается с частно-правовых актов. Значит ли это, что с точки зрения авторов, в указанный период в России в принципе не существовало актов публично-правовых? И если таковыми по-прежнему не считать законодательство (именуемое при этом по отношению к имперскому периоду «законодательными актами», с. 264–266), то как быть с паспортами, широко вошедшими в практику с момента проведения петровской податной реформы? Не есть ли они публично-правовые акты удостоверительного вида? И едва ли можно согласиться с отсутствием публично-частных актов в этом историческом отрезке (тем более что их наличие было отмечено для предшествовавшей эпохи), благо, что эта категория была представлена очень широко в XVIII–XIX вв., например, договорами откупов и подрядов и договорами найма (контрактами) на казенную службу различных категорий иностранных специалистов.

Подобного рода недоразумения присущи и характеристикам некоторых видов источников советской поры. Два самых объемных комплекса советских исторических источников, делопроизводственные и статистические документы, объединены в один параграф, что является методически неверным, так как эти самостоятельные виды письменных источников хотя и связаны управленческой сферой (с. 399), но имеют свои специфические жизненные циклы, свое целеполагание, различные условия возникновения, содержательные характеристики и, естественно, методику исследования.

В качестве разновидностей делопроизводственной документации XX в. более или менее подробно рассмотрены нормативные документы, заявления и письма граждан, анкеты и протокольные материалы. В эту же часть попали совместные постановления партии и правительства, которые использованы в качестве показательного примера, демонстрирующего, что «наличие в них развернутых преамбул» заставляло эти документы играть «не столько делопроизводственную, сколько пропагандистскую роль» (с. 411). В данном случае необходимо уточнение позиции нормативной документации в системе делопроизводственных материалов. При наличии большого количества разнообразных форм документов рассматриваемого вида учебные цели требуют максимально четко и понятно для учащихся подходить к вопросам классификации, учитывая наличие переходных форм. Важной также является проблема ГОСТов, представления о которых обязательны для того, чтобы хорошо ориентироваться в системе, породившей делопроизводственные документы.

Второй блок замечаний может быть сведен к неравномерной презентации различных видов и видовых комплексов источников, что приводит к «исчезновению» или недостаточной характеристике одних из них и гипертрофированному представлению других.

Существенным недостатком такого рода является отсутствие параграфа о делопроизводственной документации XVI–XVII вв.

Последняя анализируется лишь с начала XVIII в. (с. 281), что создает иллюзию отсутствия таковой до этого времени. Между тем, приказная система управления впервые породила в России массовые источники: документацию приказов и их отдельных «столов», переписку приказов с воеводами и земскими старостами на местах, судебные дела, включающие челобитные, выписи, отписки, резолюции, документацию приказных и земских изб. Фонды приказов в РГАДА, фонды приказных изб в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН и других архивах насчитывают десятки тысяч документов приказного делопроизводства, изучение которых, помимо прочего, помогает понять механизм создания и других видов источников – актов и памятных законодательства. Отказавшись от анализа делопроизводственной документации XVI–XVII вв., авторы лишили себя возможности дать интегрированное описание системы документирования в допетровской России.

Нельзя согласиться с утверждением о том, что «на протяжении XVIII в. и почти всего XIX в. большая часть делопроизводственных документов возникала в системе государственного аппарата. И только в конце XIX в. в связи с акционированием промышленности и созданием монополий расширилась негосударственная сфера ведения делопроизводства» (с. 279). Трудно понять, почему в пособии, авторы которого сами являются признанными источниковедами-практиками и практикующими историками, появился этот пассаж. А как же быть с огромными архивами делопроизводства заводских и многочисленными архивами вотчинных контор XVIII в.? Да, документальное обеспечение управления в них строилось, как правило, по аналогии с государственным. Но это было по своей природе негосударственное делопроизводство, объемы которого если и не спорили с государственным, то занимали очень солидный сегмент в общем документообороте империи и, соответственно, занимают таковой в массиве соответствующих источников. Вообще делопроизводственным источникам в целом в рецензируемом пособии не очень повезло: их описание (для имперского периода) скромно уместилось на трех страницах (с. 281–283). Плюс страничка для источников специального делопроизводства, из которого оказалось кратко охарактеризовано лишь судебно-следственное (с. 284–285). Зато «повезло» адрес-календарям! На восьми (!) страницах текста в параграфе «Справочные издания» они чувствуют себя вполне вольготно, уступив полстранички младшим родственникам – «спискам» гражданских служащих, памятным книжкам и другим справочникам (с. 285–292). При всей увлекательности и полезности адрес-календарей никто не убедит нас в том, что их источниковедческая значимость и информационная ценность превзойдут весь корпус общего и специального делопроизводства имперской России.

То же и по XX в. В параграфе, посвященном законодательным документам, большое место отведено анализу классовой природы

Советов и их постепенному перерождению в бюрократическую организацию. Но документы, отражающие деятельность этих органов, вниманием обойдены. Разновидности законодательных исторических источников (декреты, конституции, кодексы, законы, указы и постановления высших органов государственной власти) рассмотрены в контексте условий их возникновения и организации функционирования. Нелишней здесь была бы классификация законодательных документов, чтобы учащиеся имели представление не только о деятельности высших органов власти. Ошибочным представляется игнорирование большой (количественно и сущностно) группы – «совместных постановлений партии и правительства».

Характеристика статистических источников ограничивается кратким экскурсом в историю организации советской статистики и небольшим перечнем статистических публикаций и мероприятий (переписей). Нет сведений о первичных и вторичных источниках статистических данных, формах учетных и отчетных документов, разновидностях материалов переписей, да и в целом система статистики, в которой принято выделять комплексы по промышленности, сельскому хозяйству, населению и трудовым ресурсам, не представлена.

Третий блок замечаний обусловлен тем, что описание некоторых видовых комплексов источников носит в большей мере эмоционально-оценочный, чем научный характер. Это касается главы, представляющей источники по истории советского периода. Она отличается публицистической тональностью и часто обличительным настроем. В результате историческим документам дана скорее политологическая, нежели источниковедческая характеристика.

Так, например, по мнению авторов учебного пособия, особенности источников новейшего времени порождены выходом на историческую арену масс. Названный социальный феномен привел к значительным «трансформациям» внутри корпуса существующих источников. Источники личного происхождения переживают «системный кризис», законодательство характеризуется прежде всего популизмом, так как его основным адресатом стали «простые люди», а не «профессиональные управленцы, юристы и экономисты», «подлинный расцвет переживает периодическая печать», в то время как делопроизводство и статистика изменились мало (с. 374–378).

Эти небесспорные положения реализованы в последующих параграфах учебного пособия и вызваны общим определением советского периода как тоталитарного, установившегося в 1917 г. и продолжавшего существовать до 1991 г.: «Облик российского общества минувшего столетия был определен тоталитарным режимом, сложившимся после большевистского переворота 1917 г. и распавшимся в конце 80-х – начале 90-х годов» (с. 377–378). Не хотелось бы упускать сложные «нюансы» советской эпохи, включившей в себя, например, и время расцвета авангарда в литературе и живописи 1920-х гг., и «разномыслие» в период послевоенного духовного подъема 1940-х,

и расцвет самиздата как «второй культуры» в «застойные» 1970-е, и т. д. Студентам-историкам, несомненно, полезно разбираться в неоднозначных процессах, имевших место в культуре советского общества и находивших отражение в исторических источниках.

Очень трудно согласиться с утверждением авторов главы о том, что «объединение характеристик периодики, публицистики и художественной литературы советского времени в одном разделе учебного пособия оправдано и единственно возможно в связи со спецификой исторической ситуации, сложившейся в России XX в.» (с. 419). Заявления о том, что в художественной литературе XX в. «грань между эстетикой и пропагандой оказалась полностью стертой» (с. 419), может ввести в заблуждение «неподготовленного читателя», каковыми часто являются современные студенты. Внушить им эту мысль – значит отрезать от широких пластов отечественной культуры. Особенно если вспомнить андеграунд в литературе позднесоветского периода, разнообразие стилей и жанров в художественной прозе и поэзии 1920-х, гонимых творцов как в публицистике, так и в литературе и т. д.

В то же время авторы учебного пособия в определенной степени сами себя опровергают, достаточно подробно проанализировав советскую художественную литературу в самостоятельном параграфе. Здесь представлены основные этапы «литературного процесса в России», официальные и запретные имена, явление самиздата и т. д. Хотелось бы отметить, что вопрос об источниковедческом значении современной художественной литературы совсем недавно был дискуссионным, поэтому разделы, посвященные ее источниковедческим характеристикам, пока не стали обязательной частью соответствующих учебников. В этой связи наличие данного раздела можно расценить как актуальное.

Удивление вызывают утверждения авторов параграфа об источниках личного происхождения. По их мнению, в советский период под напором цензуры происходят упадок культуры дневников и угасание личной переписки, которая проигрывала телефонной связи, а выход из кризиса этих жанров наметился только с появлением электронных сетей (с. 453–456). Не хочется приводить тривиальные аргументы о том, что телефон большую часть советского периода для многих семей был роскошью. Книга Н. Козловой – прекрасный пример исследования советской повседневности на основе переписки [Козлова]. Сегодня, к счастью, найдется довольно много примеров вовлечения в научную практику именно источников личного происхождения XX в. с целью исследования настроений, мнений, эстетических предпочтений и других психологических дискурсов жизни советских людей (В. Сомов, А. Лившиц, Л. Зализняк, С. Дэвис и др.).

В целом картина формирования и бытования источниковых комплексов в советское время более сложна и многогранна, не ограничена только их агитационной и пропагандистской функциями на

всех уровнях, как это, к сожалению, следует из текста главы, посвященной советским источникам. Хотелось бы увидеть в тексте анализ информационного потенциала и источниковых возможностей рассматриваемых документов, а не только неоднократные акценты на их идеологических характеристиках, которые, несомненно, важны, но в контексте серьезных герменевтических подходов и интерпретации источников.

Наконец, глава содержит то, что принято называть «досадными неточностями», приводить весь перечень которых не имеет смысла, но вовсе игнорировать их наличие непозволительно по жанру. Перечислим те, которые показались нам наиболее «колющими глаз». Так, говоря о редактировании Лицевого летописного свода XVI в., авторы упоминают отклоненную позднейшими исследователями гипотезу Д. Н. Альшица, но не пишут об авторстве принятой в настоящее время в науке гипотезы А. А. Амосова (с. 151). Следует отметить некоторые неточности в разделе о летописании: авторы говорят об отсутствии данных о летописной работе в Москве при князе Юрии (ум. 1325 г.), тут же отмечая, что первые следы такой работы датируются 1317 г. (с. 144).

В пособии приведены неверные данные о количестве сохранившихся уставных грамот наместничьего управления, таможенных и губных: утверждается, что документов таких разновидностей сохранилось 16 (с. 164). Между тем, хорошо известно, что уставных грамот наместничьего управления сохранилось 17, губных – 19, и кроме того, до нас дошли единичные экземпляры таможенных грамот [Аракчеев, с. 66–67]. Нечеткость формулировок в данной главе порождает двусмысленности и прямые ошибки в трактовке положений памятников права. Так, авторы утверждают, что постановлениями Судебника 1550 г. было запрещено обращать в холопство служилых людей (дворян и детей боярских) (с. 166). Общеизвестно, между тем, что Судебник лишь ограничивал сумму служилой кабалы для дворян и боярских детей 15-рублевым максимумом, а запрет принимать служилых людей в холопство был осуществлен лишь Статейным списком 23 июля 1641 г. и Соборным уложением 1649 г. [Соборное уложение].

В параграфе, посвященном актам доимперского периода, по меньшей мере спорной является характеристика актов земских соборов как «своеобразных договоров царей с сословиями». Общеизвестно, что большинство приговоров земских соборов (кроме избирательных актов соборов 1598 и 1613 г.) представляли собой декларации от имени верховной власти, включавшие лишь ссылки на мнения представителей сословий. И уж совершенно странным выглядит упоминание в этом контексте «крестоцеловальной записи» В. Шуйского 1606 г. (с. 186), которая, во-первых, не сохранилась (известна в пересказе), а во-вторых, была дана, скорее всего, не земскому собору, а верхушке государева двора.

Большую ценность представляет четвертый параграф, посвященный материалам государственного и вотчинного учета, писцовым и

переписным книгам, а также приходно-расходным книгам монастырей (с. 187–192). В пособии содержится обстоятельное изложение принципов описаний, дана характеристика крупнейшим валовым переписям. Отметим отдельные неверные утверждения, содержащиеся в параграфе, посвященном писцовым и переписным книгам. Авторы ограничивают верхнюю хронологическую границу составления писцовых книг 1630-ми гг., не упоминая писцовые книги 1680-х гг., когда было проведено незавершенное валовое описание земель страны. Ошибочно утверждение, что в ходе описания конца XV – начала XVI в. соха заменила местные окладные единицы, такие как обжа; на самом деле обжа входила в состав сохи до конца XVI в. Авторы пишут, что соху в разных уездах «составляло... неодинаковое количество дворов», в то время как соха в XVI в. не рассчитывалась исходя из количества дворов.

При рассмотрении советской Конституции 1977 г. утверждается, что всеобщее избирательное право было фактически ограниченным для тех, кто не состоял в партийной, профсоюзной, молодежной, кооперативной или творческой организации. В качестве примера притеснения «других общественных организаций» приводится деятельность инициативной группы «Выборы-79» (с. 385). Однако эта группа (деятельность которой сегодня изучается в контексте истории инакомыслия в СССР) не была общественной организацией в полном смысле слова, и цели ее представляли попытку создания прецедента альтернативных выборов, а не заявление себя в политической системе Советского Союза.

Значит ли это, что перечисленные недостатки сколько-либо перечеркивают качество и ценность рецензируемого пособия? Разумеется, нет. Даже подвергнутая нашей наиболее существенной критике часть «Корпус источников российской истории» вовсе не так нехороша, как может показаться. Напомним, что из трехсот с лишним страниц ее объема отмеченные нами недочеты составляют лишь малую часть. Кроме того, вторая и третья части раздела отличаются очевидными достоинствами, выгодно выделяющими рецензируемое издание из ряда многих. Они, собственно, и раскрывают сущность источниковедения как метода.

Во второй части раскрывается гносеологическая суть источниковедения через понятие «компаративного источниковедения» – фундамента сравнительно-исторического исследования. В порядке постановки проблемы авторы убедительно доказывают, что сравнение в принципе является одним из универсальных методов научного познания; полемизируют с учеными, допускавшими использование этого метода лишь по отношению к более или менее сходным объектам; анализируют применение сравнительного метода в исторических теориях XVIII–XX вв. и демонстрируют возможности компаративного источниковедения в сравнительно-исторических исследованиях, формулируя отмеченный нами в начале рецензии и чрезвычайно продуктивный источниковедческий критерий периодизации переходных исторических эпох (с. 463–503). Третья часть («Источниково-

дение историографии», с. 505–559) уже характеризовалась нами как инновационная и этапная в процессе создания источниковедческой литературы, и больше здесь добавить нечего.

Достоинство завершает пособие третий раздел «Источниковедение как инструмент исторического исследования», чрезвычайно важный как практическое руководство для будущих специалистов (с. 563–630). Превосходны главы, посвященные основным процедурам источниковедческого исследования. Опыт показывает, что во взаимосвязанной системе исследовательских процедур источниковедческого анализа и синтеза наибольшие сложности в освоении материала студентами приходится на понимание сути и результатов синтеза. В данном случае четко сформулирован результат источниковедческого синтеза как представление исторического источника в качестве социокультурного феномена, выявлено его место в видовой структуре корпуса исторических источников, порожденных определенной культурой, и возможность проведения культурологических компаративных исследований (с. 564–591). Развернутые примеры, сравнивающие формулировки исследовательских тем, существенно облегчают восприятие учебного материала. С изящной доходчивостью и элегантной простотой написана глава, разъясняющая принципы источниковедческого подхода к изучению историографических источников – анализ их происхождения и содержания и процедура деконструкции (с. 592–609). В небольших очерках раскрыты современные представления о формировании и характеристике источниковой базы научного исследования и об археографических (эдиционных, в термине авторов) практиках (с. 610–628).

В одной из последних глав учебного пособия авторы написали: «Осознанное / отрефлексированное формирование источниковой базы – неперемнная характеристика строгого научного исследования» (с. 610). Наша рецензия, будучи жанром научного исследования, потенциально становится историографическим источником. Последуем же авторам, отрефлексируем свой текст и заодно попробуем подвергнуть его деконструкции. Примерно третья часть – хвалебная (несомненно, заслуженно); приблизительно такая же или чуть больше – критическая (надеемся, конструктивная), сопровождаемая дискуссией. Остальное – риторические приемы и синтаксические связи. Это, так сказать, условная статистика (разумеется, не в источниковедческом смысле этого слова). А каково же в итоге мнение авторов рецензии о пособии? Что в целом? В целом – современное высокопрофессиональное исследование, определенно знаковое и значимое событие в процессе развития как учебной литературы в области исторических наук, так и в развитии самой науки источниковедения, закономерный результат большого практического опыта и интеллектуального труда. Заслуженный успех наших коллег и друзей, доказавших, что источниковедение в единстве своих многозначностей есть то, что делает историю наукой.

Список литературы

Аракчеев В. А. Власть и «земля» : Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М. : Древлехранилище, 2014. С. 66–67.

Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Историческое источниковедение: проблемы теории, истории и методики // Вестн. РУДН. Сер. История России. 2003. № 3. С. 237–263.

Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории / под общ. ред. А. Г. Голикова. М. : РОССПЭН, 2000. 437 с.

Источниковедение истории СССР : учебник / Г. Наумова, И. Ковальченко, Л. Милов и др. ; под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. школа, 1981. 496 с.

Источниковедение. Теория. История. Метод : Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов и др. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.

Козлова Н. Н. Советские люди : Сцены из истории. М. : Европа, 2005. 527 с.

Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1976. 468 с.

Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР : учеб. пособие. М. : Соцэкгиз, 1962. Вып. 1. С древнейшего времени до XVIII в. 495 с.

Февр Л. Историзирующая история // Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991. С. 70.

Шмидт С. О. Источниковедение в семье гуманитарных и естественных наук // Историческая наука на рубеже веков / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. С. 9.

Stolyarova L., Koroleva S. Sergey Kashtanov : Historiographer of the Russian and European Middle Ages // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 255–280; 2015. № 1. С. 225–251.

References

Arakcheev, V. A. (2014). *Vlast' i "zemlya": Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglykh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI–nachala XVII veka* [The Power and the 'Land': Governmental policy towards the taxed estates in Russia in the 2nd half of 16th – early 17th centuries]. 512 p. Moscow, Drevlehranilishhe.

Georgieva, N. G. & Georgiev, V. A. (2003). *Istoricheskoe istochnikovedenie: problemy teorii, istorii i metodiki* [Historical Source Studies: Problems of Theory, History and Methods]. In *Vestnik RUDN (Ser. Istoriya Rossii)*, 3, pp. 237–263.

Golikov, A. G. & Kruglova, T. A. (2000). *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [Source Studies in Russian history]. 437 p. Moscow, ROSSPEN.

Koval'chenko, I. D., Naumova, G. & Milov, L. (Eds.). (1981). *Istochnikovedenie istorii SSSR: Uchebnik* [Source Studies in the History of USSR. A Tutorial] (2nd ed.). 496 p. Moscow, Vysshaya shkola.

Danilevskij, I. N., Kabanov, V. V., Medushevskaya, O. M. & Rumyantseva, M. F. (1998). *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii : ucheb. posobie* [Source Studies: Theory. History. Method. The Sources in Russian History. A Tutorial]. 702 p. Moscow, Ros. gos. humanit. un-t.

Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskie lyudi. Sceny' iz istorii* [Soviet People. Scenes from History]. 527 p. Moscow, Izd-vo Evropa.

Pronshtejn, A. P. (1976). *Metodika istoricheskogo istochnikovedeniya* [Methods of Historical Source Studies]. 468 p. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rostovskogo un-ta.

Sobornoe ulozhenie 1649 goda : Tekst. Kommentarii [Sobornoe Ulozhenie of 1649. Text. Commentaries] (1987). Leningrad, Nauka.

Stolyarova L., Koroleva S. (2014, 2015). Sergey Kashtanov. Historiographer of the Russian and European Middle Ages // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 255–280; 2015. № 1. С. 225–251.

Tihomirov, M. N. (1962). *Istochnikovedenie istorii SSSR* [Source Studies in the History of USSR]. Vol. 1. S drevnejshago vremeni do XVIII v. Uchebnoe posobie. 495 p. Moscow, Socekgiz.

Fevr, L. (1991). *Istoriziruyushhaya istoriya* [The Historicizing History]. In Fevr, L. *Boi za istoriyu* (pp. 67–71). Moscow, Nauka.

Schmidt, S. O. (2000). *Istochnikovedenie v sisteme gumanitarny'h i estestvenny'h nauk* [Source Studies in the System of Humanities and natural Sciences]. In Redin, D. A. (Ed.) *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov* (pp. 4–13). Yekaterinburg, Volot.

The article was submitted on 10.06.2015

Владимир Анатольевич Аракчеев,
профессор,
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия
arakk@rambler.ru

Vladimir Arakcheev,
Professor,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia
arakk@rambler.ru

Дмитрий Алексеевич Редин,
профессор,
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия
volot@mail.ru

Dmitry Redin,
professor,
Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of Russian
Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia
volot@mail.ru

Юлия Анатольевна Русина,
доцент,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
iulia.rusina@urfu.ru

Yuliya Rusina, Dr.,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia
iulia.rusina@urfu.ru